

Вадим Слуцкий,

*педагог, г. Петрозаводск,
Карелия*

Любую проблему с детьми так и хочется перевести в управленческую задачу: что с ними надо сделать, чтобы они то-то и то-то. Но в отношениях с детьми управленческая логика до добра не доводит. И нам суждено решать не арифметические примеры, а системы уравнений со многими неизвестными. И мы не можем списать ответ, не можем выбрать себе другую задачу полегче. Любой ребёнок, как «неуправляемый», так и якобы благополучный, – это вызов. И мы должны найти на него свой ответ.

ШКОЛЬНЫЙ ХУЛИГАН КАК ВЫЗОВ ЖИЗНИ

ИСТОРИЯ В ТРЁХ ЧАСТЯХ С ЭПИЛОГОМ

На уроках он обычно не работал, и даже не потому, что ничего не понимал: ему противны были любые усилия. Но просто так сидеть тоже не мог и развлекался, как умел: теребил соседей, глупо хихикал, корчился за партой, «острил», грубил, и унять его не было никакой возможности. В такие минуты он становился физически неприятным: в лице появлялось что-то дегенеративное и злобно-наглое.

Его терпеть не могли не только учителя, но и одноклассники. Он отнимал чужие вещи, в отобранных тетрадях карябал неприличные рисунки, толкался, щипался, говорил гадости. Не дашь ему то, что он хочет, – обязательно отомстит: порвёт тетрадь или книгу, сбросит на пол и наступит ногой, подложит кнопку на стул. Он ловил шмелей и выпускал их в классе. Вся его парта была исписана и изрезана, в основном, похабными рисунками и надписями.

Часть 1. Вызов

Как-то на уроке Андрей, как обычно, школьничал, баловался, кривлялся, гоготал на весь класс, всем смертельно надоел, и я его выгнал – минут за пятнадцать до конца урока. Урок этот был и у меня, и у них последним.

Прозвенел звонок. Я хотел выйти из класса – дверь не открывалась. Минуты две не мог понять, что случилось. Наконец, кто-то догадался заглянуть в замочную скважину: с той

стороны к двери была приставлена скамейка. У нас в коридорах, вдоль стен, стояли длинные скамьи без спинок, и вот одну из них, опрокинув на бок, кто-то прислонил к нашей двери. В замочную скважину видны были только её ножи.

С трудом я открыл-таки дверь, дети вышли. Стал собираться, конечно, далеко не в лучшем настроении, раздумывая, что теперь делать. Собственно, я ведь не могу доказать, что это сделал он. Притвориться, как будто ничего не было? К чему это приведёт? Что если он возьмёт на вооружение именно этот метод? Ведь был уже случай, когда кто-то подпер той же скамейкой дверь в туалет девочек, и Женя с Юлей не могли выйти в течение целого урока.

Тут в класс заглянул Серёжа, чем-то ужасно смущённый, даже испуганный. Стараясь не смотреть на меня, пробормотал, что забыл сменку, и стал поспешно шарить под своей партой. Меня его поведение удивило: Серёжа не такой человек, чтобы стесняться такой мелочи, как забытая в классе сменная обувь...

Серёжа нашел свой пакет, убежал. Я взял свою сумку, пакет с тетрадиями и вышел. Закрыл дверь на ключ, повернулся. И увидел стену возле кабинета: светло-голубую, крашенную масляной краской. Весь кусок стены от одной двери до другой был густо исчёркан, измазан. И не мелом или фломастером, а шариковой ручкой, что гораздо

хуже: стержень раздирает стену, оставляя царапины, их нужно закрашивать, иначе от них не избавишься. Но и там, где краска цела, стереть следы от пасты можно только порошком с горячей водой.

Сначала я просто рассердился. Но потом присмотрелся – это были самые грязные матерные ругательства по моему адресу. А посреди не рисунок – невероятного роста червеобразный человек, похожий на скелет, с чудовищной бородой и громадными, как крылья хищной птицы, ушами. Под этим отвратительным страшилищем – подпись корявыми печатными буквами, удостоверяющая, что это мой портрет. Имя написано правильно, а «Ильичь» – с мягким знаком в конце.

Несколько секунд я стоял, не в силах двинуться с места. Это видели все мои дети! Вот почему они ушли так тихо: обычно, выскочив в коридор, они шумят на всю школу. Вот почему так смущён был Серёжа.

Это нужно сейчас же стереть! Я снова открыл класс, бросил на ближайшую парту свои вещи... Но как? Одному мне понадобится не меньше часа. Но кого-то позвать?! Нет уж...

Я схватил тряпку, налил воды в ведро, бухнул туда весь оставшийся порошок и стал лихорадочно тереть стену. Сразу вспотел, пришлось снять пиджак, но надписи не исчезали, а только расплывались.

Где-то загремели ведра – пришла уборщица. Я заставил себя подойти, спросить, чем бы стереть пасту со стены. Она сказала: суржей, и дала немного. Суржа стирала хорошо, но я всё-таки очень торопился: боялся, что это увидит кто-то из взрослых.

Когда кончил, – прошло больше часа, – весь взмок, руки горели от едкой щёлочи, на брюках – мокрые пятна. Чувствовал я себя ужасно: в голове ни одной мысли, ничего не хотелось – только поскорее домой, лечь, заснуть, забыть всю эту мерзость...

Я не мог представить себе, как приду завтра в школу, как буду разговаривать со своими детьми, смотреть им в глаза. Что я прочту в этих глазах?

Домой я притащился совершенно разбитый. Выпил лошадиную дозу валерьянки, лёг, не раздеваясь, и провалился в тяжёлый сон.

Часть 2. Что делать?

Следующий день совершенно выпал из моей памяти, да и неудивительно: это был, наверное, один из самых кошмарных дней в моей жизни. В школу я, конечно, пошёл; да и как можно было не пойти?

Смутно вспоминается: я подвигаюсь на школьное крыльцо, там стоит Андрей со своими приятелями-хулиганами, все они старше него. Он смотрит на меня с наглой ухмылкой, что-то тихо говорит им, и они раздражают-

ся гомерическим хохотом. Я прохожу мимо них, как сквозь строй, стараясь не смотреть в ту сторону.

Прошло несколько дней. Помню, я лихорадочно думал, что же мне делать. Мысли крутились в голове, как колесо. Оставить так нельзя: надписи стали появляться и в классе на стенах, и на партах. Как и когда он их делал, не знаю. Приходилось проверять класс каждый день – это было тяжело и унижительно. Я остро чувствовал, что мне нужно спешить: в классе появилась разболтанность, уже многие дети не смотрели мне в глаза, трусишки и нахалы понемножку наглели. Нужно было что-то делать немедленно, но что?

Как-то вечером я пошел к Андрею домой. Он жил с дедушкой: мать, алкоголичку, лишили родительских прав, отец сидел за драку в пьяном виде.

Андрея дома не оказалось. Дед, коренастый, загорелый, степенный мужик, говорил неторопливо, солидно и очень мало интересовался школьными делами внука.

– Да, сам знаешь, науки он не превзойдет. Мать – шаромыжка, так ей да сядь... Сын туда попал, за дело, конечно... А этому-то каково? Малой еще... Душонка детская – а живая... А что, натворил чего или просто так?

– Нет, просто хотел познакомиться с вами. На собрании ведь вы не были...

– Да, когда мне по собраниям шастать... Вы, конечно, извиняйте:

ему эта самая премудрость никуда, ни снизу, ни сверху, не влезет. Если, конечно, наломает дров, дак скажите: вон ремень висит – дак это для него. Но ни разу не брал пока – а чтоб он знал. Во как!

– Нет, ремень тут не поможет. Даже может быть хуже...

– Это вы правильно понимаете! – он кольнул меня острым взглядом. – А то тут приходила прежняя его учительша, дак пыталась, не хочу ли я его в детский дом пихнуть. Я её, честно скажу, послал куда подальше... Нет, в детдом не отдам. Пока жив, корма на всех хватит...

– А кем он хочет быть? – спросил я неожиданно для себя.

– Да, шофёром! А как же ты думаешь? Как дедушка! Он у меня всё – как дедушка... Картошку чистит и в доме прибирается... Я тоже вот, ещё хуже шпанёнком был: отца не помню – какой он хоть из себя?.. А вот работаю, уж сорок лет считай, и не пью ни хрена...

Всё в нем было такое крепкое, основательное, и об Андрее он говорил так хорошо, разумно, с такой заботой. И я ему ничего не сказал, не смог. Да и зачем?

А потом пришел Андрей: веселый, оживлённый и совершенно не такой, как в школе, – нормальный ребёнок. Вошёл, увидел меня и вдруг так испугался, побледнел! И я поспешил уйти.

Часть 3. **Интуиция подсказала**

На следующий день я оставил Андрея после уроков. Это было непросто: он бы, наверное, удрал, но я вошёл в класс ещё до звонка и всё время стоял у двери.

Он сидел против меня, за первой партой, опустив голову, скривившись, подняв одно плечо выше другого, бледный, унылый, несчастный. Почему-то мне бросилось в глаза его ухо: бледное, полупрозрачное. Передо мной сидел несчастный ребёнок.

И что-то повернулось у меня в душе. Я, конечно, хотел говорить с ним очень строго, предупредить: «Это в последний раз!» Но вместо этого сказал с горечью, с мягкой укоризной:

– Андрюша, зачем ты это сделал?

Он долго молчал, глядя в пол, потом буркнул:

– Да, а чего вы меня выгнали?

Я долго объяснял ему, почему его выгнал, но важны тут были не слова. Как-то интуитивно я нашёл тогда правильный тон в разговоре с ним. Так говорят с маленькими шалунами строгие, но добрые воспитательницы в детском саду, и ребёнок чувствует: тётя хорошая, она меня любит, но я её огорчил, я что-то сделал не так. Вот как я с ним говорил.

Он всё так же сидел, опустив голову, потом мельком взглянул на меня и спросил очень тихо:

– А вы не скажете дедушке?

– Ты же знаешь, я ему не сказал. И не скажу.

И тут я увидел, что он заплакал!

Он, знаменитый хулиган, стыдился своих слёз, но они текли и текли. Потом он вытер рукавом глаза, отвернулся к окну и сказал:

– Я больше не буду!

Эпилог. О любви

Как вы думаете, сдержал Андрей своё слово?

Нет, он, конечно, больше не делал таких рисунков и надписей. Но чуть не каждую неделю на чём-нибудь срывался. Как-то в столовой ему *не так* ответила буфетчица. Он взял тарелку с кашей и бросил её ей в лицо! Скандал был грандиозный, но я тогда уже не сомневался: Андрея нужно защищать во что бы то ни стало. Наказывать его нельзя, что бы он ни сделал. Ему я сказал всё, что думаю о его поступке, но именно тем самым тоном.

С ним нельзя было разговаривать иначе как наедине. Тогда это был другой человек. При посторонних он начинал бравировать, выползала эта его нахальная улыбка.

Он был невероятно обидчив и мстителен, потому что зависел от каждого, был слабее каждого, и всякое слово могло его ранить. А восстановить свое непрочное, как мыльный пузырь, самоуважение он мог только одним способом – отомстить.

Андрей не просто мстил, а мстил жестоко. Если бы мог, он убивал бы каждого, кто его хоть чем-нибудь задел. Такая возможность была у Сталина, сына пьяницы-сапожника, не знавшего с детства ничего, кроме побоев и унижений. К счастью, Андрей был только мальчик, довольно слабый физически. В сущности, робкий, даже очень неуверенный в себе, но раздутое патологическое самолюбие делало его порой бесшабашно смелым. Как-то в походе, на Дроздовом озере, он хотел переплыть на другой берег, потому что мальчишки ему не поверили. Мы догнали его на лодке, иначе бы он, наверное, утонул...

И я понимал, что должен, насколько могу, согреть его, жалеть и любить и в то же время всё-всё о нём знать, никогда не верить на слово, быть строгим. Но! Он должен быть абсолютно уверен во мне, в том, что я за него всегда, несмотря ни на что. И – только выдержка, только безграничное терпение и самообладание: никаких срывов, не причинять ему боль, быть предельно осторожным!

Я догадался, что его душа – как тростинка, колеблемая ветром, неустойчива, но именно поэтому он подсознательно жаждет устойчивости, надёжности, которой ему не дали родители, и я должен стать его точкой опоры. Он должен быть во мне совершенно уверен. И мне это удалось! Благодаря Андрею я так развил своё умение

владеть собой, как не сумел за всю прошлую жизнь.

Андрей научил меня быть независимым в общении с детьми. В какой-то момент любые его выходки перестали на меня влиять. Я не стал к ним безразличен, они меня огорчали, но уже не ранили – я больше не зависел от них.

И это произошло потому, что я его полюбил. И мне уже было всё равно, как он себя ведет по отношению ко мне: меня интересовал он сам. Он теперь уже не мог меня ничем задеть. Движение шло от меня к нему, а не от него ко мне.

Теперь я знаю, что любить можно всякого человека и что любовь – это активная деятельность. Когда ты думаешь о человеке, когда что-то делаешь для него – ты его начинаешь любить. И неважно, какой он. Любовь зависит от того, *кто* любит, а не от того, *кого* любят.

Благодаря Андрею я понял, что даже самые чудовищные по-

ступки не означают, что сам этот человек злой. Зло распространяется во времени и пространстве, если нет для него преград. А преграда – тот, кто «не проводит зла», кто умеет остановить его в себе и стать добрым.

Я понял, что любой, как самый дикий, так и самый благополучный ребёнок, – это вызов. И я должен найти на него ответ.

Ребёнок самим фактом своего существования, тем, какой он, какие у него проблемы в развитии, предъявляет мне какие-то требования. И я должен суметь им соответствовать – дать ответ. Отсюда, кстати, слово «ответственность» – готовность и способность дать Ответ на Вызов жизни.

И если найду и сумею – стану сильнее и лучше. Это мой шанс стать Настоящим Педагогом и Настоящим Человеком.

Так что трудный ребёнок – это хороший ребёнок. Чем труднее – тем лучше.

